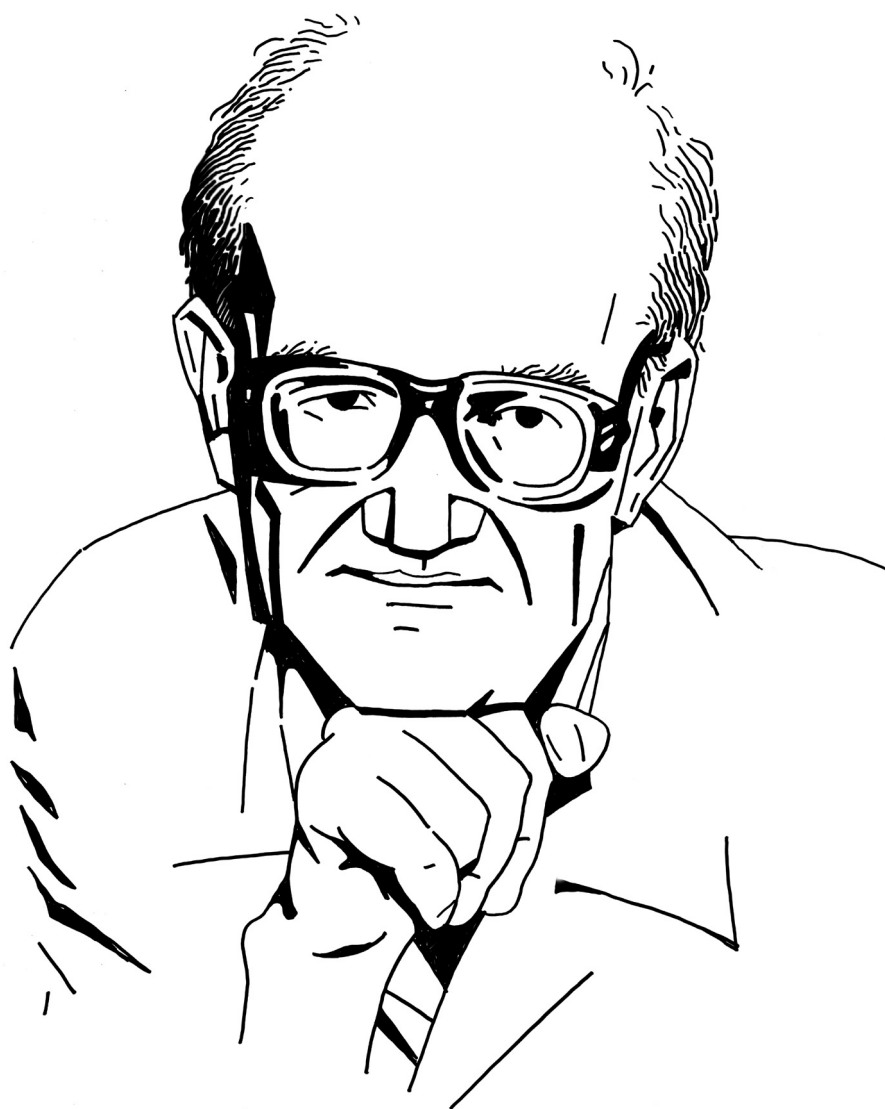

МИХАИЛ ГАСПАРОВ

СБОРНИК
СОЧИНЕНИЙ

МИХАИЛ ГАСПАРОВ

ТОМ

НАУКА
И
ПРОСВЕТИ-
ТЕЛЬСТВО

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 82(091)

ББК 83г

Г22

Редколлегия

*Н. Автономова, М. Андреев, С. Гардзонио, Н. Гринцер, А. Зотова,
О. Лекманов, И. Пильщиков, К. Поливанов (координатор проекта),
Д. Сичинава, А. Устинов*

Г22 Гаспаров, М. Л.

Собрание сочинений в шести томах. Т. 6: Наука и просветительство / Михаил Леонович Гаспаров; сост. К. М. Поливанова, А. Б. Устинова. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 1000 с.

ISBN 978-5-4448-1986-9 (т. 6)

ISBN 978-5-4448-1284-6

Первое посмертное собрание сочинений М. Л. Гаспарова (в шести томах) ставит своей задачей по возможности полно передать многогранность его научных интересов и представить основные направления его деятельности. Собранные в шестом — финальном — томе материалы знакомят нас с мыслями ученого о науке и людях в ней, о профессии и об исследовательских методах, о просветительстве и образовании, о месте филологии и вообще гуманитарного знания в нашей повседневной жизни. Том открывает книга «Записи и выписки», составленная Гаспаровым из фрагментов его записных книжек, дополненных воспоминаниями, письмами, ответами на анкеты и интервью. Статьи, рецензии, предисловия, заметки, программы и конспекты небольших лекционных курсов, мемуарные фрагменты, письма, анкеты и интервью, также включенные в том, в значительной степени дополняют эту книгу. Читатель — как будто изнутри, глазами одного из ярчайших ученых, одновременно филолога-классика, исследователя истории русской поэзии и стиховеда — сможет посмотреть на плодотворнейшую эпоху развития гуманитарного знания, которой оказались последние четыре десятилетия XX века, представить логику исследовательской мысли, познакомиться с научными и литературными вкусами и предпочтениями М. Л. Гаспарова.

УДК 94(470+571)«19»(093.3)

ББК 63.3(2)6ю14

© А. М. Зотова, 2023

© К. М. Поливанов, А. Б. Устинов, составление, 2023

© К. М. Поливанов, Д. В. Сичинава, статья, 2023

© Д. Черногаев, обложка, макет, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

К. М. Поливанов, Д. В. Сичинава.

Рыцарь филологии: Гаспаров о жизни, о людях, о науке 9

ЗАПИСИ И ВЫПИСКИ

I. От А до Я	20
II.	
Моя мать	74
Мой отец	76
Мое детство	79
Война и эвакуация	81
Школа	83
Университет	91
ИМЛИ	94
Сталинская премия	103
Воспоминания о Сергее Боброве	105
С. С. Аверинцев	119
Из анкет и интервью	130
III. От А до Я	138
IV.	
Интеллигенция и революция	197
Обязанность понимать	211
Филология как нравственность	214
Прошлое для будущего	219
Критика как самоцель	228
V. От А до Я	233
VI.	
Врата учености	295
Античность	300
Стихovedение	307
Переводы	313
Критика	330
Семиотика: взгляд из угла	333
VII. От А до Я	338

НАУКА И ЭТИКА

Поэзия без поэта	401
«Тревожит привычка к попятному движению...»	408
Обретение через отречение	418
Служба—это не благодать, а долг	422
Русская культура во все времена	425
Несколько параллелей	428
Голос культурной традиции	434
Дороги культуры	436
Чего я ожидаю от нового журнала	441
«Письмо о судьбе» Александра Ромма	443
Любовь ко всякому слову	457
Почвы для терпимости будет больше	462
К обмену мнений о перспективах литературоведения	466
Несколько «тривиальностей»	468
Столетие как мера, или Классика на фоне современности	471
Классика и современность	474
Понимание человека—это общее дело	478
Историзм, массовая культура и наш завтрашний день	483

НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ

Поэт и тиран: вычеркнуто перестройкой	491
Классическая филология и цензура нравов	495
Ю.М. Лотман: наука и идеология	500
Выступление на VII Лотмановских чтениях	509
Русская интеллигенция как отводок европейской культуры	515
Интеллигенция и интеллигентность: от этимологии к морали	521
Яacobсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 (в соавторстве с Н. С. Автономовой)	531
О «Рождении трагедии» Ницше в издании «Ad Marginem»	538

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ О СТИХЕ

Цель и путь советского стиховедения	541
«Стиховедение нужно...»	548
Энциклопедическая статья: Тарановский Кирилл Федорович	554
Тарановский—стихoved	555
Послесловие к публикации переписки К.Ф. Тарановского с В.Е. Холшевниковым	557

Тынянов и проблема семантики метра	562
Первочтение и перечтение: к тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи.	570
«Теснота стихового ряда»: семантика и синтаксис.	580
«Ритм и метр» Н. В. Недоброво в историческом контексте	589
«Поэт — это конкистадор, а стиховед — колонист»	598
Г. А. Шенгели: от искусства к науке	602
Предисловие к «Словарю русских созвучий» С. М. Федченко	608
Предисловие к книге И. Лилли	612
Предисловие к «Словарю рифм А. А. Блока»	618
О книге М. Вахтеля	620
Письма к Н. В. Костенко	626
А. Н. Колмогоров в русском стиховедении	655

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Колумбово яйцо и строение новеллы	669
М. М. Бахтин в русской культуре XX века	672
История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина.	676
Лирика науки	679
Об итогах и проблемах семиотических исследований	685
Научность и художественность в творчестве Тынянова	688
Анкета к 100-летию со дня рождения Ю. Н. Тынянова	697
Работы Б. И. Ярхо по теории литературы	699
О Ю. М. Лотмане	716
Как писать историю литературы	721
Научная «щель»	726

ПРОПЕДЕВТИКА

Анализ литературного текста (<i>программа курса</i>)	735
Семантический ореол метра в русской поэзии: антология (<i>программа курса</i>)	739
Письмо профессору М. Колуччи с конспектом доклада о сонетах Мандельштама	754
Аристотель	760
История и литература	765
...В Афинах Периклес...	769
Как читать трудные стихи	771
Поборник классического образования	778
Путешествие Анахарсиса по Греции	779

Опыт античности для педагогики будущего	786
«Сотри случайные черты...»: А. Блок и Вс. Некрасов	790
«Осень» Пушкина: анализ длинного стихотворения	795

СКВОЗЬ ЛИТЕРАТУРУ

О книге В. П. Григорьева	811
Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный	816
Мир Сигизмунда Кржижановского	834
«Интеллигентский разговор»	839
Об одной футуристической шутке	842
Предисловие к книге А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова	846
Вступительное слово к сборнику стихов М. О. Кулаковой	850
В. А. Комаровский между Брюсовым и Блоком: к предыстории одного стихотворного размера	851
Sabinula: комментарий к рассказу В. А. Комаровского	864
К статье М. Берга «Гамбургский счет»	867
Смысл тектоники и тектоника смыслов (в соавторстве с <i>Н. М. Соколовым</i>)	869
Предисловие к книге С. А. Ошерова	874
Книга М. Ю. Михеева	878
Темные стихи и ясные стихи: тропы в «Сестре моей — жизни»	881
Предисловие к статье А. А. Блока	890
О классической филологии и о самом себе	894
Семь стихотворений	905

О ЛЮДЯХ В НАУКЕ

О «Краткой, но достоверной повести о дворянине Болотове» В. Б. Шкловского	913
К 60-летию К. Ф. Тарановского	921
Кирилл Федорович Тарановский: к 80-летию со дня рождения	924
Как будто с Блоком стихи писала	927
О драме Б. И. Ярхо	929
Семинар А. К. Жолковского — Е. М. Мелетинского: из истории филологии в Москве 1970–1980-х годов	935
К 75-летию Джеймса Бейли	950
Предисловие к избранным статьям И. Ю. Подгаецкой	953
Памяти Сергея Аверинцева	959
Указатель имен к 1–6 томам	962
Corrigenda	999

РЫЦАРЬ ФИЛОЛОГИИ

ГАСПАРОВ О ЖИЗНИ, О ЛЮДЯХ, О НАУКЕ

Шестой том собрания сочинений М.Л. Гаспарова может показаться самым пестрым, но вовсе не следует полагать, что сюда просто собрано все, что не поместилось в предыдущие тома. Составители стремились не столько представить результаты трудов Гаспарова-ученого, сколько показать читателю самого познающего Гаспарова.

Том открывает книга, сразу ставшая интеллектуальным бестселлером. «Записи и выписки» печатались сперва на страницах журнала, а затем, в 2000 году, были выпущены издательством «НЛО» как отдельное издание. Этой книге трудно подобрать точное жанровое определение, она, как и сам автор, многогранна и во многом парадоксальна. В значительной степени это коллекция заметок Гаспарова из его записных книжек, так что можно было бы говорить о прозе ученого, но — и, быть может, с не меньшим успехом — подошло бы к ней и определение «собрание верлибров». Тут, наверное, стоит вспомнить, что статьи, рецензии, заметки Михаила Леоновича всегда производили впечатление почти художественной прозы, при абсолютно строгой системе обстоятельного и доказательного научного рассуждения. Сам Гаспаров определял этот жанр как нечто традиционное, но в то же время можно увидеть в нем предтечу и едва ли не прообраз современных записей в «Фейсбуке», провоцирующих к комментариям и разнородным «лайкам». Это книга обо всем на свете: прежде всего, конечно, о слове, словесности и филологии, но также и о современности и древней истории, о языке и современниках, о политике и просвещении, об античности и постмодернистской поэзии, и, конечно, о людях, самых разных. Буквально каждый фрагмент книги все время провоцирует к соразмышлению.

В предисловии к первому изданию «Записей и выписок» Гаспаров писал:

У меня плохая память. Поэтому, когда мне хочется что-то запомнить, я стараюсь это записать. Запомнить мне обычно хочется то же, что старинным книжникам, которых я люблю: Элиану, Плутарху или Авлу Геллию, — интересные словесные выражения или интересные случаи из прошлого. Иногда дословно, иногда в пересказе; иногда с сокращенной ссылкой на источник, иногда — без. Сокращений я здесь не раскрывал: занимающимся историей они понятны,

а остальным безразличны. Я не собирался это печатать, полагая, что интересные и так это знают; но мне строго напомнили, что Аристотель сказал: известное известно немногим. Я прошу прощения у этих немногих.

Эти записи печатались в журнале «Новое литературное обозрение». Для книги я добавил к ним несколько статей на ненаучные темы — писанные по заказу, они тоже когда-то кого-то интересовали — и несколько экспериментальных стихотворных переводов, сделанных для себя.

Здесь, как и во всей книге, безусловно присутствует доля лукавства, несомненная игра с читателем, которому явно предлагается вспомнить о самых разных шуточных предисловиях, где авторы отчасти открывали свои карты, отчасти готовили к самому разного рода неожиданностям. То и дело присутствующая в книге ироничная игра совершенно не отменяет глубочайшей серьезности множества и коротких, и длинных фрагментов, составивших книгу.

Читатель вовлекается в игру всем наполнением и структурой книги: записи и выписки — длинные, короткие и совсем короткие — это цитаты из книг, воспоминаний, газет, архивных документов, отдельные слова и фразы из разговоров со знакомыми, их рассказы о чужих репликах (иногда бывает названо имя собеседника, иногда даются инициалы или одна буква), рядом могут оказываться и чисто филологические наблюдения, опять же иногда свои, иногда собеседников. Записям в книге даны заголовки, часто повторяющиеся («Жизнь», «Перевод», «Подтекст», «Заглавие», «История», «Престиж», «Предки», «Прогресс» — так озаглавлены многие записи), иногда уникальные («Зайцы и лягушки»); для других записей заглавием служит их первое слово. Некоторые записи и выписки включают и поясняющие реплики автора, которые тоже бывают и краткими, и развернутыми, но многое выписывается без комментариев. Какие-то записи целиком строятся как собственное наблюдение. Логике заглавия записей иногда бывает легко понять (как, например, в нескольких записях, названных «Подтекст»), а иногда читателю явно предлагается загадка.

Все записи расположены в четырех последовательностях, названных автором «От А до Я». (В первом издании алфавитный порядок касался только первых букв: так, после нескольких записей, озаглавленных «Любовь», шли несколько других, а затем еще несколько «Любовей», «Жизней», «Языков» и т. д. — сам этот «беспорядок», конечно, входил в состав игры с читателем, которую вел автор, во всех своих исследованиях всегда стремившийся к максимальной и ясно видимой упорядоченности.) Записи с одним и тем же заглавием помещаются часто в разных частях книги. Между четырьмя «алфавитами» Гаспаров поместил свои воспоминания «Моя мать», «Мой отец», «Война и эвакуация», «Школа», «Университет» и другие, об институте мировой литературы, где он много лет служил, о своих университетских профессорах, а также свои письма нескольким адресатам, ответы на разнообразные анкеты и интервью 1990-х, статьи о переводе, стиховедении, античности, семиотике.

Замечательный книговед и редактор Аркадий Эммануилович Мильчин в книге «Как надо и как не надо делать книги. Культура издания в примерах» посвятил «Записям и выпискам» главу «Алфавитный беспорядок», упрекая издательство «НЛО» в том, что они не снабдили книгу алфавитным указателем вокабул:

Оригинальная книга М.Л. Гаспарова «Записи и выписки» (М., 2000) не может не восхищать любого читателя, способного ощутить интеллектуальную силу включенных в нее неординарных текстов.

К великому сожалению, эта прекрасно изданная книга, которую даже брать в руки приятно, подпорчена одним редакционным недоглядом.

Свои выписки автор оформил в виде словаря с вокабулами, расположенными по алфавиту в каждом из четырех блоков, одинаково названных «От А до Я». Внутри блока за статьями с заглавием на букву А следуют статьи с заглавием на букву Б, затем на букву В и т.д.

Однако если алфавитный порядок групп статей с заглавиями на одну начальную букву строго соблюден, то внутри каждой группы в расположении статей никакого порядка нет. Например, на с. 137–138 статья «Кукушка и петух» (с. 137) значительно опережает статьи «Катарсис» и «Канонизация» <...>. Да «Канонизация» и должна была бы предшествовать «Катарсису» <...>. И так по всей книге, во всех словарных блоках.

Правда, автор мог выбрать такое расположение вокабул на одну начальную букву вполне сознательно, исходя из замысла известного одному ему (например, по ассоциативной или иной связи между статьями). В конце концов, читать словарные блоки можно и подряд. Так что этим алфавитным беспорядком можно было бы пренебречь и даже не заметить его, если бы автор изредка не отсылал читателя от одной статьи к другой. Например, в первой статье «Коллективный труд» (их во втором словарном блоке две) содержится ссылка: см. также «Институт». В каком из блоков «словаря» нужно смотреть так озаглавленную статью, не указано. Приходится просматривать все статьи на И во всех четырех блоках. <...> Она нашлась только в четвертом блоке, причем между статьями «Исход» и «Извощицьи слова», то есть там, где, следуя алфавитному порядку, ее ожидать было нельзя¹.

Собираясь напечатать вышеприведенные слова, Мильчин счел необходимым послать свои замечания Гаспарову и получил письмо, которое также опубликовал:

Глубокоуважаемый Аркадий Эммануилович!

Я, действительно, очень виноват перед Вами и перед другими коллегами, которые серьезно относятся к книге «Записи и выписки», — я понимаю все указанные Вами трудности, потому что и мне самому при необходимости очень

¹ Мильчин А.Э. Как надо и как не надо делать книги. Культура издания в примерах. М., 2002. С. 27–28.

трудно найти в ней нужные места (поэтому, в частности, мне не удалось истребить в ней некоторые повторения). Но это были требования жанра — не научного, имитирующего домашность. Поэтому же и алфавит соблюдает только первую букву: моими образцами были Элиан, Авл Галлий (и Стобей), а досужие греки соблюдали алфавит только в первых буквах. Простите мою покорность жанру и поверьте, что я бесконечно тронут Вашим вниманием. Я тоже много редактировал в жизни, понимаю Ваши заботы и со вниманием читал Вас в НЛО. Всего Вам самого хорошего...

Весь Ваш М.Г.¹

Конечно же, ответ Гаспарова написан не без лукавства, «кажущаяся беспорядочность» записей, безусловно, в высшей степени продуманная, читателю, как уже было сказано, не всегда легко разгадать логику, но в этом очевидно присутствует элемент авторской игры с нами. Про одно можно сказать с уверенностью. В одной из дарственных надписей на шестой странице первого издания под предисловием и рядом с картинкой зайца Михаил Леонович написал «от зайца познающего». Познающий — это тот, кому абсолютно все собранное в книгу очень интересно, а дальше, как искусный педагог и искусный писатель, он умеет сделать это интересным своим собеседникам и своим читателям.

Наверное, почти все, кому довелось встречать Гаспарова, помнят, как он доставал записную книжку и записывал услышанную фразу, слово, наблюдение, многим доводилось и слушать, как он эти записи читал собеседникам. Записные книжки велись на протяжении десятков лет. Биолог Борис Николаевич Головкин, учившийся с Михаилом Леоновичем в последних классах школы, рассказывал:

Он все заносил, как уже было сказано, в записные книжки своим мелким, убогим, очень четким почерком. Мы дарили ему эти книжки, потому что они очень быстро кончались. Он всегда носил их при себе в кармане. Причем тематика была самая разнообразная. Я не буду говорить, какой тематике были посвящены две книжки, которые у меня есть и которые я на память храню, потому что это детские книжки, касающиеся наших детских, условно говоря, игр. Но это тоже страшно интересно, потому что там есть некоторые такие пародии, я не знаю, на какой оригинал, вроде «Голубая кошка вышла на дорожку. Было удивительно, удивительно слишком. Кошка не знала, лето или зима. Оранжевую мышку взяла она под мышку, и мышка подумала, не сошла ли она с ума». Вот такие были стихотворения. Потом были другие, более «взрослые» стихи².

Вошедшие в том кроме «Записей и выписок» статьи, заметки, рецензии, предисловия, конспекты, интервью, письма — так же как и сама эта

¹ Мильчин А.Э. Как надо и как не надо делать книги. С. 28.

² Головкин Б.Н. О школьных годах М.Л. Гаспарова // Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова: Сборник материалов. М., 2007. С. 68.

книга— о литературе и науке, об их сходствах и границах, о нужности филологической профессии, о месте филологии и филологов в окружающей жизни.

Включенные в том интервью и ответы на анкеты дополняют материалы, которые в «Записи и выписки» включил сам Гаспаров. В 1990-е годы, которые, наверное, были едва ли не лучшим десятилетием в истории страны, даже не только в XX веке, самые разные издания обращались к Михаилу Леоновичу с просьбой об интервью. Оценка происходящего здесь и теперь, казалось бы, кабинетным ученым, погруженным в такие специальные области знания, как классическая филология и стиховедение, оказалась востребованной. И это не удивительно. Гаспаров постоянно и внимательно читал газеты и журналы, следя за жизнью страны не менее внимательно, чем за современной поэзией. Он отлично чувствовал и точно и продуманно формулировал свои ответы (интервью никогда не бывали устными).

Как Сергей Сергеевич Аверинцев («филологов много, а Аверинцев был один» написал Гаспаров) называл филологию службой понимания, так Михаил Леонович сформулировал, что филология— служба общения. Именно здесь, по его мнению, одна из обязанностей филолога в самом широком смысле: переводы («переводчики— скоросшиватели времени»), языки, адаптация для современников культуры давнего и сравнительно недавнего прошлого. Вспомним, что одной из самых популярных книг Гаспарова оказалась «Занимательная Греция»¹. Автор стремился максимально облегчить, сделать одновременно доступным и увлекательным далекое прошлое, которое в его книге ощущается как имеющее самое прямое отношение и к настоящему. Гаспаров ценил издания, помогающие читателю, он сетовал, что только два раза напечатали «Войну и мир», где в качестве оглавления даны сверхлапидарные характеристики каждой главки, что не делают популярных кратких переложений длинных текстов разных эпох прошлого. Нельзя требовать от общества, чтобы все были историками и филологами, говорил Гаспаров, но именно историки и филологи, занимающиеся реконструкцией прошлого, должны облегчать восприятие накопленного за столетия опыта, мягко советовать не делать крышу из того, что в прошлом служило фундаментом, и наоборот.

Гаспаров был оптимистом, он надеялся, что следующим поколениям доведется жить чуть легче. Чрезвычайно выразительны его оценки политического прошлого:

— Чем был XX век в истории России— революция, культ личности, война, оттепель, перестройка, распад СССР, социально-политические и нравственные итоги?

— Был цепью причин и следствий. В начале века Россия торопливо индустриализировалась вслед Западу. Будучи нищей, она делала это на французские

¹ Представленная в первом томе нашего издания (с. 27–367).

(и иные) займы. За это нужно было платить участием в непосильной войне 1914 года. Такая война неминуемо вела к революции. (Отчего бывают революции? Оттого, что всякому народному терпению бывает конец; а заметить этот конец заблаговременно власть не умела.) Если бы русская революция слилась с германской, как рассчитывал Ленин, то во главе мирового социализма стояла бы Германия на месте России, а в хвосте его Россия на месте Китая. Европу спасла Польша: сто лет русской власти родили в ней такую всенародную ненависть, что она нашла силу для отпора 1920 года. России осталось строить социализм в отдельно взятой нищей стране. Такой социализм (кажется, Ленин считал его «государственным капитализмом»?) мог обернуться только сталинским режимом. О Сталине лучше всего сказано в Британской энциклопедии: «он сделал Россию из страны сохи страной атомной бомбы, но он хотел управлять страной атомной бомбы так, как управлял страной сохи». Чтобы выйти из этого противоречия, понадобилась оттепель, перестройка и демократизация. А демократизация означает деколонизацию, то есть распад Союза. Россия и за ней СССР был колониальной империей, хотя колонии были и не заморскими; в Европе пик деколонизации был в 1960 году (со всеми тяжкими последствиями для колоний и для беженцев из колоний), у нас этот пик — сейчас: как всегда, Россия отстает ровно на одно поколение. Никаких итогов нет: цепь причин и следствий продолжается.

— Кто в наибольшей степени (со знаком плюс или минус) оказал воздействие на ход истории XX века?

— В мире — наверное, Эйнштейн; в Европе — к сожалению, Гитлер; в России — заведомо Ленин: без него бедствия России были бы иными.

Из анкеты для Литературного музея

Для Гаспарова было чрезвычайно важно представление о просвещении, в котором он видел едва ли не главную миссию филолога. Гаспаров писал, что потребность узнавать новое заложена в природе человека так же, как стремление к утолению голода и размножению. Он преподавал не очень много, но публикуемые в настоящем томе материалы конспектов, которые он предварительно раздавал своим слушателям, позволяют увидеть эту сторону его просветительской деятельности как будто немного «изнутри». В своих лекциях, так же как и в докладах и статьях, он всегда умел достигать фантастической ясности. Сергей Аркадьевич Иванов в небольшой сопроводительной заметке к интервью Гаспарова в журнале «Итоги»¹ обращает внимание на то социальное-политическое значение, которое обретала эта ясность:

Основным видом антикоммунистической фронды была для советских гуманитариев нарочитая усложненность. <...> Правящая идеология навязывала примитивную картину мира, элементарные мотивации, безвариантные объяснения — фрондерствующая гуманитария отвечала бесконечным умножением

¹ «Любовь ко всякому слову» — с. 457–461 настоящего тома.

числа факторов, ходов и связей. <...> Михаил Леонович Гаспаров — один из немногих, кто шел в это время совершенно противоположным путем — путем предельной божественной ясности. И оказалось, что она столь же, если не более убийственна для режима. Помню свое первое впечатление от лекции Гаспарова в середине 1970-х о каких-то строго академических вещах, но мой приятель шепнул мне: «Такое ощущение, что сейчас воронки приедут», — и я чувствовал то же самое. Работы Михаила Леоновича помимо того, о чем они рассказывали, несли другое важное послание, причем не исключаю, что помимо воли автора: они указывали на обратную сторону официальной идеологии, на ее лукавое велеречие, на синдром «голового короля», на тайное порочное пристрастие к непроговаренности, непроясненности, смутности, смазанности и недодуманности¹.

Сам Гаспаров о связи политической жизни и просвещения отвечал в уже цитированной анкете литературного музея в начале 1990-х:

— Как события современной общественной жизни воздействуют на ваше творчество, внутреннее состояние и социальное поведение? Какие из них считаете важнейшими? Участвуете ли в партиях и движениях?

— Важнейшие события: оттепель, потом перестройка, теперь борьба за демократизацию. По ним вижу, как нужно России просвещение, и стараюсь для него делать, что могу. Но в экономике и политике я не специалист и партиям и движениям бесполезен.

Гаспаров неоднократно подчеркивал, как важно для человека найти свое место в жизни, для него это был прежде всего выбор профессии, в которой он достиг чрезвычайно многого. Исследования культуры, выраженной в слове (снова цитируем его слова), строились на убеждении, что «литература отвечает человеческой потребности в прекрасном». Профессию он и понимал как службу доступа к прекрасному.

В этом томе, пожалуй, больше, чем в других, составители не стремились к строгой структуризации материала, разместив его в духе не раз обсуждавшейся Гаспаровым античной «пестроты», «разнообразия» (ποικιλία). Именно этим духом, несомненно, проникнуты сами «Записи и выписки», а материалы, размещенные в нескольких разделах этого тома, по-разному перекликаются с первым текстом и друг с другом. Читатель встретит схожие пассажи в разных жанровых контекстах (часть таких случаев отмечена редакцией) и может проникнуть в творческую лабораторию ученого, следя за трансформацией текста на пути от записной книжки или конспекта лекции к публикациям.

К. Поливанов, Д. Сичинава

¹ Иванов С.А. Страница в альбоме Михаила Гаспарова // Итоги. 10 декабря 1996. С. 70.

**ЗАПИСКИ
И
ВЫПИСКИ**

ЗАПИСИ И ВЫПИСКИ

*Моей жене
Алевтине Михайловне Зотовой
с благодарностью за всю жизнь
и на всю жизнь*

Первое издание этой книги вышло в 2000 году. Главная ее часть—это действительно выписки из записных книжек, накопившиеся за тридцать лет и оказавшиеся интересными не только для меня. В новом издании набор их значительно обновлен. Добавлены материалы мемуарного характера, сокращена специальная терминология, исключены некоторые сугубо лингвистические или литературоведческие понятия. Несколько изменена и композиция книги.

Я филолог-античник, образцами моими были такие писатели, как Элиан, Плутарх и Авл Геллий, которые любили коллекционировать интересные случаи, мысли и словесные выражения. Иногда дословно, иногда в пересказе; иногда с сокращенной ссылкой на источник, иногда без.

Эта книга не научное сочинение, поэтому я позволил себе опустить большинство точных ссылок на источники или вообще обойтись без них. Кавычки в таких случаях означают, что мысль принадлежит не мне, а где-то услышана или вычитана, но я нахожу ее интересной. Сокращений я не раскрывал: занимающимся историей и филологией они понятны, а остальным безразличны. Пусть читатель простит мне эти вольности.

М. Гаспаров

I. ОТ А ДО Я

У этой книги 200–300 авторов, из которых я выбрал фразы, показавшиеся мне справедливыми.

Стендаль

Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова.

О. Мандельштам

А «Если ты сказал **А** и видишь, что ошибся, то говорить **Б** не обязательно», — говорит персонаж у Брехта (кажется, в «Ja-Sager»). — Не надо делать культа даже из верности самому себе. Впрочем, еще раньше говорилось: сказав **А**, не будь **Б**.

Авария «Христианство, а потом раскольниковство начинались в расчете на скорый конец света, а потом переходили на аварийный режим: это и был мораторий страшных судов».

Автопародия У Пушкина в «Оде Хвостову» стих «А ты глубок, игрив и разен» копирует собственное «К морю»: «Как ты, могущ, глубок и мрачен». А из стиха «Прощай, свободная стихия» получилось «Прощай, любезная калмычка»; из «И блеск, и тень, и говор волн» — «И блеск, и шум, и говор балов», а из «Твой грустный шум, твой шум призывный» — «Мой первый друг, мой друг бесценный». Редкое скопление реминисценций.

Автопародия («Онегин» как автопародия южных поэм и т. д.). Не казался ли Пушкину «Беппо» автопародией «Дон Жуана»?

Авторитарность Когда Бахтин пишет: «Тургенев не понимал, что такое настоящий роман», — это похоже на марксистское «Пугачев не понимал, что такое настоящая революция».

Ад Вл. Соловьев: «Государство существует не затем, чтобы создать на земле рай, а затем, чтобы не дать ей превратиться в ад».

Ад На обсуждении диссертации в отделе теории ИМЛИ было сказано: «Так как Блейк был порождением ада, то не следует изображать его вдохновителем английского романтизма». Мне показалось, что это всерьез.

Адам В начале XVIII века объявили, что нашли список сочинений Адама и среди них... «Всемирную историю».

Актуализация второстепенных значений слова, по Тынянову, — это все равно что читать книгу, при каждом слове вспоминая весь набор его значений из толкового словаря. Приблизительно так работают искатели подтекстов. А еще более современные вместо толкового словаря смотрят в «Мифы народов мира».

Акцент Н. Трубецкой говорил: идеи Марра становятся менее бредовыми, если читать его статьи с грузинским акцентом (а Э. Чансес говорила, что «Улисс» понятнее с ирландским акцентом). А. Долинин: «Набоков отгораживался от американской культуры: в магнитофоне у него британский акцент попеременно с русским».

Анаграмма «Поиски анаграмм — художественная работа: нужно, чтобы после тебя уже нельзя было ее не заметить», — сказал О. Ронен (по поводу того, что «Анчар» — сублимация от «саранча», на которую его послал «князь» Воронцов).

Была детская игра: из букв длинного слова составлять короткие слова, кто больше составит. (М. Ю. Лотман говорил, что у них в школе такая игра называлась «словяга».) Сколько можно составить слов в четыре и более букв из слова «электростанция»? Более 200. Поэтому мне не казалось странным, что из любого четверостишия можно вычитать какую угодно анаграмму. Однако думалось, что не зря же этим увлекались большие ученые; хотелось проверить. В. С. Баевский написал мне, что готовит для блоковской конференции доклад об анаграммах у Вл. Соловьева. Я спросил: «По каким стихотворениям? хочу попробовать сам, а потом свериться». Он назвал. Я взялся за первое (не помню какое), стал высчитывать особо частотные буквы, и из них безоговорочно сложилось слово «масло». Тут я понял, что хоть анаграмма, может быть, и великое дело, но мне оно противопоказано. (Работа Баевского напечатана: сб. «Целостность художественного произведения и проблемы его анализа...», Донецк, 1977; ср. «Блоковский сб.», III.) Это была та самая конференция, где Тименчик сказал: «если наша жизнь не текст, то что же она такое?»

кстати сказать
сукин ты сын
кто тебе сказал
что ты
текст?

Вс. Некрасов

Что анаграмма все-таки великое дело, меня обнадеживает Свифт, который в третьей части «Гулливера» уже издевался над этим методом; а Свифт гениально выбирал для издательств только самые перспективные идеи во всех науках: всемирное тяготение, кибернетические машины, хлорофилл, мозговые полушария...

В детской книжке были головоломки: слова с переставленными буквами, восстановите слово — что такое «сляратюк»? «цинемаль»? «кечелов»? (кастриля, мельница, человек).